

*А.М. Пантюхин***Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917–1929 гг.***A.M. Pantyukhin***Realization of Soviet Religion Policy in Stavropol Region and in Terek Region in 1917–1929**

Статья посвящена анализу основных направлений государственной политики советской власти в отношении православной церкви, рассмотрению изменений в области религиозного законодательства, особенностям религиозной жизни Северного Кавказа в послереволюционные годы.

Ключевые слова: религия, идеология, раскол, конформизм, обновленчество, антирелигиозная политика, «атеизированное православие», реформаторская деятельность, «советское» духовенство.

В последние два десятилетия религия, представляющая собой одну из форм общественного мировоззрения, заняла важное место в общественной жизни, в связи с чем, так же, как и в первое советское десятилетие, остро встала проблема взаимоотношений светской власти с духовенством и верующими. С особой силой эта проблема выделяется на фоне конфронтации либеральных и консервативных течений традиционных религий Северного Кавказа. Поэтому важно проанализировать основные направления политики советской власти в отношении православной церкви на Ставрополье и Тереке в 1917–1929 гг. При этом следует рассмотреть основные изменения в положении религии с установлением советской власти в исследуемом регионе в 1918 и 1920 гг., изучить политику создания системы «попкорного» духовенства, проанализировать мероприятия советской власти в отношении православной церкви, рассмотреть основные методы проведения в жизнь нового религиозного законодательства.

На Ставрополье советская власть была установлена в ночь на 1 января 1918 г., в Терской области – несколькими днями ранее. Практически сразу новая власть приступила к проведению в жизнь светского религиозного законодательства. На Ставрополье и Тереке осуществление новой религиозной политики имело два основных аспекта: 1) местная государственная власть проводила в жизнь секуляризированное религиозное законодательство европейских стран; 2) методы религиозной реформы варьировались от административных до силовых, нередко с использованием сил антирелигиозных фанатиков.

Весной 1918 г. в Ставропольской губернии начались систематические антицерковные мероприятия.

The article is devoted to the analyses of the main directions of the Soviet Power state policy towards Orthodox Church. The author considers changes in sphere of the religious legislation, peculiarities of religion life in the North Caucasus at the period after the revolution.

Key words: religion, ideology, schism, conformism, «Renovation», antireligious politics, «atheisated orthodoxy», reformatory work, «Soviet» clergy.

У священников отнималась земля, подверглись разграблению и осквернению многие храмы. В этом году в Ставропольской епархии большевиками были убиты 37 священно- и церковнослужителей. Изучение материалов Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на юге России, позволяет проследить незавершенность атеизации сознания большого количества красноармейцев, а также служащих советских учреждений на Ставрополье. Были зафиксированы многочисленные случаи привлечения священников к неканоничным богослужениям на пользу советских учреждений. Например, 22 октября 1918 г. в Троицком соборе Ставрополя 70 красноармейцев заставили священника венчать пару без документов, удостоверяющих безбрачие. Одного священника в Ставрополе в штабе одной из красных частей заставили служить молебен о даровании победы Красной армии в Гражданской войне. В некоторые учреждения принудительно вводились в штат священники с назначением крайне низкой зарплаты в 100 руб. [1].

Сказанное выше свидетельствует о том, что не до конца секуляризированное сознание большого количества красноармейцев и не сформировавшегося класса советских служащих детерминировало неадекватное понимание как антирелигиозной политики советской власти, так и религиозных нужд верующих. Таким образом, еще в 1918 г. возник «спрос» на религию, приспособленную к частично атеизированному сознанию. Естественно, религия должна была, по мнению местных большевиков, приспособливаться не только к изменению государственного законодательства, но и к запросам прихожан, в том числе антиканоническим.

Именно это стало одной из важнейших предпосылок формирования так называемого обновленчества на северо-восточном Кавказе.

Летом 1918 г. большевики отступили с территорий Северного Кавказа и смогли на них укрепиться только в феврале-марте 1920 г. С этого времени начинается ускоренное проведение в жизнь религиозного законодательства советской власти (1917–1920 гг.). 18 марта 1920 г. было решено закрыть Ставропольскую духовную семинарию и изъять из ее библиотеки книги религиозного содержания. Также было запрещено преподавание религиозных предметов в светских учебных заведениях. К суду привлекалось духовенство, выступавшее на стороне белогвардейцев во время Гражданской войны на Северном Кавказе. Регистрационные функции были переданы светским административным органам (ЗАГС). Подлежали закрытию ведомственные храмы светских учреждений. Еще в 1920 г. во всех храмах была проведена опись имущества, заложившая платформу для будущих изъятий церковных ценностей в 1922 г. и церковного имущества при закрытии храмов в 1930-е гг. Интересно отметить, что действия местных органов власти по ускоренной секуляризации объяснялись заботой о рядовых верующих, защитой их от притеснений архиереев и богатых священников [2, с. 11–12]. Помимо этого, использовались и наработки христианских социалистов, выдвинувших идею о служении Иисуса Христа бедным, а не богатым.

Для руководства религиозной политикой власти в Ставропольской губернии при отделе юстиции был открыт специальный стол во главе с Н.Я. Ляхницким [3, л. 1]. В Терском округе 8 октября 1920 г. была сформирована комиссия по отделению церкви от государства при окрисполкоме под руководством Тропова [4, л. 70об.–72об.]. Именно эти административные учреждения должны были отвечать за антирелигиозные мероприятия советской власти на местах.

Местная советская власть на Ставрополье и Тереке была заинтересована в формировании нового типа духовенства – послушного, способного воплощать распоряжения центральной власти. Северокавказские чиновники, движимые карьеристскими устремлениями, но сохранившие пережитки религиозного сознания, проводили в жизнь эту идею, опираясь на советское религиозное законодательство. Нередко священников заставляли проводить агитацию среди верующих в пользу советской власти. Также духовенство использовали для оправдания в глазах верующих антирелигиозных мероприятий. Священство могли привлечь и для других нужд советской власти.

Летом 1921 г. на Ставрополье разразилась засуха, повлекшая за собой страшный голод. Под предлогом борьбы с голодом весной 1922 г. советское руководство приступило к изъятию церковных ценностей. 30 марта 1922 г. на Ставрополье была создана комиссия

по изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий, возглавленная Н.И. Куликовым. На Ставрополье изъятия начались 5 мая, а в Горской республике – 16 мая.

Идея раскола духовенства на лояльное советской власти и «контрреволюционное» на основании их отношения к изъятию церковных ценностей была предложена Л.Д. Троцким и наиболее последовательно проводилась на Северном Кавказе. Местные органы власти были заинтересованы в создании подконтрольной церкви еще и потому, что часть северокавказских коммунистов и советских чиновников наряду с новым мышлением сохранила веру и с огромным трудом шла на отказ от религии. Например, в Черкесской области немалая часть коммунистов и комсомольцев считала себя верующими, поэтому предполагался последовательный и осторожный отказ от религии [5, л. 16].

На Ставрополье большинство священнослужителей было настроено лояльно к политике изъятия церковных ценностей. Епископ Димитрий (Доброседов) выступил с заявлением о лояльности духовенства к проводимым мероприятиям. Нередко эти настроения порождались получившими тогда большое распространение идеями христианского социализма. Большая часть духовенства полагала, что не является каноническим нарушением использовать литургические сосуды из драгоценных металлов для нужд голодающих. Вспоминались многочисленные случаи из истории, когда церковь сдавала свои ценности не только для помощи нуждающимся, но и для нужд армии [6, с. 1].

Во Владикавказе и Терской епархии многие священнослужители были не только лояльно настроены к проводившимся изъятиям, но и сами участвовали в комиссиях комитета помощи голодающим (помгола). Они обращались к пастве в средствах массовой информации и руководили мероприятиями, связанными со всеобщим обсуждением политики изъятия ценностей из храмов. Активную позицию занял и епископ Макарий (Павлов). Местная государственная власть поощряла лояльность духовенства, иногда разрешая заменить наиболее канонически ценные предметы равноценным количеством драгоценных металлов, а незаменимые богослужебные принадлежности иногда возвращались в храм безвозмездно.

Можно говорить о формировании к весне 1922 г. целого слоя духовенства, готового на широкое сотрудничество с органами советской власти. Это стало результатом длительной эволюции священнического сознания под воздействием либерализации церковной жизни начала XX в. и формирования новых способов сотрудничества с секуляризированным обществом.

Были на Северном Кавказе и противники изъятия церковных ценностей. На Ставрополье в их число вошли монастыри, а на Тереке – класс нэпманов, участвовавший в накоплении храмовых богатств [7,

с. 1]. Для преодоления сопротивления органы советской власти организовывали массированную кампанию в печати, провокационные акции. Наиболее ярых противников изъятий привлекали к уголовной ответственности и даже расстреливали.

После событий мая-июня 1922 г. в церковной жизни Москвы и Петрограда, связанных с захватом управления и патриаршей канцелярии обновленцами, местные власти Ставропольской и Терской губерний и Горской республики приступили к организации раскола между «советским» и «реакционным» духовенством. Власть была заинтересована в расколе с целью создания опоры в церковной среде при последующем уничтожении антисоветских слоев в церкви. Основным инструментом раскола стали углубившиеся противоречия в среде духовенства в связи с изъятием церковных ценностей.

В июне 1922 г. на Тереке началась агитационная кампания в пользу обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и группировки «Живая Церковь». «Советское» духовенство призывали к созданию ячеек «Живой Церкви». В августе лидеры «Живой Церкви» начали обращаться непосредственно к духовенству Горской республики с призывом к расколу. С этого момента во Владикавказской епархии начались действия по непосредственной организации обновленческого раскола. (На Ставрополье проведение аналогичных мероприятий началось только осенью 1922 г.)

В июне 1922 г. Кубано-Черноморский и Ставропольский комитеты РКП(б) приняли решение поддерживать местные «революционные группировки» в Церкви для усиления раскола [8, с. 33]. Специально для руководства «революционными» священниками была разработана система отчетности перед местными органами власти в форме секретной переписки.

Ставропольское епархиальное управление (СЕУ) как орган руководства обновленческими приходами Ставропольской губернии формировалось в течение года. Только к лету 1923 г. можно говорить об обновленчестве на Ставрополье как организованной силе. Это время ознаменовалось реформами всех сторон церковной жизни обновленческим епархиальным руководством [9, л. 57]. Несомненно, что за распоряжением епархиального совета 28 июня 1923 г., реформирующим церковное управление и приходскую систему, стоит решение ликвидировать недостатки накопившиеся, с точки зрения обновленцев, за годы существования Ставропольской епархии, управление которой обновленцы были вынуждены реформировать по нескольким причинам: 1) духовенство епархии признавало ВЦУ и СЕУ только номинально, в связи с чем возникла опасность массового возвращения в патриаршую церковь после занятия патриархом Тихоном позиции, лояльной к советской власти; 2) местное казачье население с большой неприязнью

относилось к обновленчеству, стараясь посещать оставшиеся верными патриарху приходы, поэтому нужно было не оставить казакам выбора; 3) самому руководству епархии важно было получать финансовые вливания с приходов.

Принцип религиозного раскола по политическому признаку был апробирован большевиками еще в первые послереволюционные годы во взаимоотношениях с исламом и утопическими сектами [10, с. 217]. Но в полной мере идея осуществилась только в случае с обновленцами. По тому же принципу в 1926 г. был инспирирован григорьевский раскол, а в 1928 г. – иосифлянский (на Северном Кавказе – буюевский). Для уничтожения антисоветски настроенных последователей епископа Алексия (Буя) местное советское руководство использовало как обновленцев, так и патриаршую церковь.

После некоторого ослабления давления государственной власти на православную церковь на Ставрополье и Тереке в связи с укреплением обновленчества, во второй половине 1924 г. местные органы государственной власти вновь предпринимают попытки усиления контроля над деятельностью религиозных организаций. Первоначально данные меры проводились в жизнь в рамках существующего законодательства: запрещалась религиозная деятельность без регистрации, практиковалась передача храмов, принадлежащих двум общинам, в исключительное ведение наиболее лояльной (как правило, обновленцам), обязательное уведомление органов ЗАГС о проведенных крещениях, венчаниях и погребениях.

В 1925 г. усиливается антирелигиозная политика власти. В апреле 1925 г. в Москве прошел I съезд Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ), постановивший создать единое всесоюзное антирелигиозное общество, получившее название «Союз безбожников». Вторая половина 1925 г. ушла на формирование организации на Ставрополье и Тереке. Была разработана структура «Союза безбожников»: при всех предприятиях и учреждениях предполагалось создать ячейки, объединенные райбюро или райсоветом. Окружную организацию должно было возглавлять оргбюро, отчетное перед Агитпропотделом окрком РКП(б) [11, л. 55–58]. В 1926 г. был создан Ставропольский городской союз безбожников, издававший журнал «Безбожник». Агитационная деятельность «Союза безбожников» практически не пользовалась популярностью. Карнавалы, игры и театральные постановки союза проходили при пустых залах и улицах [12, с. 124].

1926 г. стал временем начала постепенного передела позиций в пользу патриаршей церкви, но превосходство обновленцев, поддерживаемых местными властями, еще было налицо. К 1 января 1926 г. на Северном Кавказе насчитывалось 9 обновленческих архиерейских кафедр против трех патриарших,

2164 «синодальных» священнослужителей и 1916 патриарших. В Северо-Кавказском крае и на Кубани тогда располагалось 876 обновленческих приходов [8, с. 34], что составляло более четверти всех обновленческих храмов Советского Союза, т.е. именно на Северном Кавказе, где наибольшее распространение получили контрреволюционные и «правые» религиозные идеи, обновленчество насаждалось с особой силой.

В 1929 г. началось значительное усиление антирелигиозной политики в СССР в целом и на Северо-Восточном Кавказе в частности в связи с принятием нового религиозного законодательства и объявлением «безбожной пятилетки». Антирелигиозная борьба в 30-е гг. XX в. уже принимает не только формы пропаганды и точечных репрессий, теперь проводились и целые кампании массовой пропаганды, а также многочисленные карательные мероприятия.

В первую половину 30-х гг. можно наблюдать такое явление, как планомерное закрытие церквей с экономическим умыслом (использование помещений религиозных организаций в хозяйственных и культурных нуждах). Для борьбы с активностью духовенства также применялись различные административные меры. Например, в Северо-Осетинском округе большое распространение получило выселение священников из квартир и лишение прописки, а также избирательных прав до полного сложения с себя сана

[13, с. 67–73]. Особенно строгое отношение было к верующим коммунистам [14, л. 6].

Таким образом, одним из главных инструментов государственной политики советской власти в отношении религии на Ставрополье и Тереке стало обновленчество. Обновленческий раскол на Северном Кавказе стал результатом полного подчинения православного духовенства местными органами советской власти, у представителей которых к началу 20-х гг. XX в. еще наблюдались пережитки религиозного сознания. Административные меры в отношении религиозных организаций сочетались с использованием обновленцев в подавлении оппозиционных настроений.

На канонические приходы воздействовали административными мерами, что привело к противостоянию приходов с обновленческими архиереями и епархиальными управлениями. Священники и приходские советы для отстаивания своих позиций использовали советское религиозное законодательство. Государственная поддержка обновленчества на Ставрополье продолжалась до середины 30-х гг., а в Северной Осетии закончилась практически сразу после его насаждения. Усиление антирелигиозной политики началось только в 1925 г., но даже после реформы религиозного законодательства в 1929 г. ставропольские органы власти пытались идти в русле законности, не отказываясь от частичной поддержки обновленчества.

Библиографический список

1. Дело 5: Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооруженными силами на юге России; Дело 1028: Сведения о злодеяниях большевиков в отношении церкви и ее служителей в Ставропольской епархии // Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org/history/kt/kt/sp/>.
2. Ульянов И. Казаки, церковь и Советская власть. – М., 1920.
3. Протокол №30 заседания коллегии при Ставропольском Губернском отделе юстиции. 1 июня 1920 г. // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. Р-100. – Оп. 1. – Д. 27.
4. Протокол №30 заседания исполнительного комитета Пятигорского округа. 8 октября 1920 г. // ГАСК. – Ф. Р-1280. – Оп. 1. – Д. 44.
5. Только секретарям ячеек ВКП(б) и руководителям кандрупп // Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДиП КЧР). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 27.
6. Арапухин В. Голодные годы на Тереке и деятельность в то время местного духовенства // Терек. – 1922. – №77. – 27 апр.
7. Пантюхов М. Ваша позиция осуждена // Горская правда. – 1922. – №98. – 3 мая.
8. Беликова Н.Ю. Развитие обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – №3.
9. О. Настоятелю Андреевской церкви. 10 июля 1923 г. // ГАСК. – Ф. Р-631. – Оп. 1. – Д. 3.
10. Эткинд А. Отношение Ленина и большевиков к коммунистическим формам религии // Хлыст (секты, литература и революция). – М., 1998.
11. План работы агитпропотдела Терокркома РКП(б) на январь, февраль, март и апрель месяцы 1926 г. // Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – Ф. 5938. – Оп. 1. – Д. 5.
12. Ногина Е.В. Городская культура на Ставрополье в годы нэпа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа : тез. докл. – Ставрополь, 2001.
13. Протокол заседания комиссии по рассмотрению списков бывших домовладельцев и лишенцев, живущих во вновь муниципализированных домах г. Владикавказа. 8 июня 1931 г. // Царикаев А.Т. Репрессивная политика Советской власти в Северной Осетии (1920–1930-е гг.). – Владикавказ, 2009.
14. Предложения АППО об антирелигиозно-воспитательной работе. 1928 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов республики Северная Осетия–Алания (ЦГА ИПД РСО-А). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 595.